

Казанская

Правда

Полночный час воспоминаний

Поздней ночью из Центрального дома литераторов на улице Герцена в Москве вышли четверо и направились в сторону гостиницы «Москва». Шли неторопливо. Степенность, достоинство, с каким они держались, вызывали во мне трепетное чувство уважения и гордости за этих аксакалов.

Балкарец Кайсын Кулиев, башкир Мустай Карим, калмык Давид Кугультинов, аварец Расул Гамзатов. Великие поэты XX века. Великие Земляне. Сегодня их нет с нами. Они ушли туда, откуда не возвращаются. Их нам никто не заменит. Они уже не будут читать свои стихи. Но нам с вами следует читать их стихи.

Творчество этой четверки – целая поэтическая эпоха. Они оказали огромное влияние на современную поэзию своей страны. В их стихах возвышается образ Родины. Каждый из этих поэтов вырос как поэт народный.

С тревогой, с нежностью, с безудержной страстной надеждой всматриваются они в лицо своей страны. В лицо Родины.

Верно хранят они народно-эпический очаг родной земли. Они убеждены в единстве мира и человека, как бы ни раздирали их на части национальные, религиозные, классовые противоречия. Каждый из них живет болью своего народа и всего человечества.

Каждое новое стихотворение этих поэтов было для нас широко распахнутым окном в мир высоких чувств и мыслей.

Ритмы их стихов влекли нас и покоряли.

У Кайсына Кулиева была чуткая душа.

Я видел его.

Правда, редко. То в Москве, то в Ленинграде, то в Алма-Ате, то в Ереване, то в Махачкале.

Но никогда в Нальчике.

Поэта надо видеть и чувствовать на его Родине.

Как он дышит среди гор и степей, как он общается со своими земляками, за тем, как он, отрываясь от всех, уходит в темную ночь и в одиночестве творит стихи о человеческих сердцах, в мир таинств, в мир теней.

Усталый, он хлебнул вина

глоток,

Он отломил от каравая

малость.

И расстоянья пройденных дорог

Как будто бы короче показалось.

И стало небо голубей тотчас,

Скала вдали приветливей

немного.

Мы – люди. Все, как у людей, у нас:

Коль есть вино и хлеб – так

слава богу.

Не лаяла собака у дверей,

А может, лаяла, да он

не слышал.

Недобрый взгляд соседей стал

добрей,

Осенний дождик стал слабей

и тише.

И даль осенняя была светла,

И улыбался человек устало...

Вина немного, хлеба и тепла.

Мы – люди. Нам на свете надо

мало.

Я читал его.

Часто вглядывался в его мудрые поэтические строки.

В строки, переведенные на русский язык, несмотря на то что он писал на своем родном балкарском языке.

Мы с ним творили на одном тюркском языке и духовно жили в благодатном тюркском мире, он – среди горных скал, я – среди раздольных степей.

Он – сын Эльбруса, я – сын Дешт-и-Кипчака.

До сих пор горько сожалею о том, что не читал его стихи на балкарском. До сих пор совестно. Мучительно больно, что турки не заглядывают в божественный тюркский мир.

Жар наших сердец, кровь в наших жилах – наследие от забытого нами, потерянного нами тюркского мира.

Об этом мы говорили только в тесном кругу, среди верных друзей.

Было такое время...

Когда я впервые увидел его в Алма-Ате, ему было 56 лет, мне – 27. Тогда он был уже поэтом с мировым именем.

Кайсын Кулиев был мужественным воином. Это у него в крови. Когда в 1944 году Кайсын вышел из полевого госпиталя, его настигла страшная весть. Его народ, балкарцы, высланы в Казахстан и Киргизию.

Двадцатисемилетний десантник, опираясь на палку, ушел вместе со своим народом в несправедливую ссылку. Никакие испытания судьбы не сломили истинного азамата.

Кайсын Кулиев умел дружить и нежно оберегал настоящее чувство.

Он наизусть читал Пушкина, Лермонтова, Блока, Низами, Рудаки, Твардовского.

Мы, молодые, удивлялись его памяти.

Он и мыслил, и чувствовал широко. Был другом всем людям, всем народам.

Человечность в наших душах невозможно истребить, она непобедима, говорил Кайсын Кулиев. Его уроки жили и живут в нас.

Кайсын Кулиев говорил эмоционально, ярко, с особым напевом.

Он ценил поэтов мира, любил их, как родных братьев. Он говорил мне о великом казахском поэте и мудреце Абае: «... если для русских Пушкин, для англичан Шекспир являются величайшим явлением, то Абай для казахов – явление космическое».

Он был щедр, и великодушен, и справедлив в оценке мировой культуры. Это свойство отличало его в поэтической среде. А сейчас я думаю, они, поэты тех времен, были совестливее, чище и справедливее нас. Для них совесть была жива. И они берегли ее больше, чем собственную жизнь.

– Балкарский язык – самый чистый язык из тюркских языков, – говорил он убежденно.

Мы молчали. Хотя могли поспорить.

На Востоке не принято перебивать старших.

Кайсын озарил цепким взглядом нас и добавил:

– У меня есть фотокопия грамматики половцев, составленная еще греками.

Мы опять молчали.

«О-о-о сколько веков пролетело?!» – думали мы. Факты – сила.

А Кайсын улыбался и смотрел на нас, как гордый орел Эльбруса.

Нравственное здоровье стихов Кайсына потрясло. А сила и крепость его стихов возвышали дух. Кайсын Кулиев из Чегема был великим поэтом и великим человеком.

Что можешь ты в упрек

поставить мне?

Ты мной повелевала от начала,

Сказала: «Будь железом!» –

и в огне

Меня ковала ты и закаляла.

В чем упрекнешь меня, что

преступил?

В чем отступил от твоего

веленья?

Сказала: «Камнем будь», – я

камнем был.

И стало каменным мое терпенье.

Какой не исполнял я твой глагол?

Ты плакала, и слезы лил я тоже.

Сказала: «Будь волом», – и я, как вол,

Тяну арбу, ярмом стирая кожу.

Какой я не исполнил твой зарок?

Я делал все, что ты мне повелела.

«Живи!» – твердила ты, я жил

как мог.

И хоть не мог, но жил и делал

дело!

Ты требовала от меня огня,

Я был огнем – и печью,

и вулканом.

Что, жизнь, еще ты хочешь от

меня? –

Ты скажешь: «Пеплом стань!» –

я пеплом стану.

Слова Кайсына-ага стали для нас, молодых, крепкой опорой.

Осенью 1983 года я встретился с Кайсыном-ага во дворе Литфонда СССР.

Он уже был болен и слаб телом. Но не духом. Взгляд ясен. Мысли яркие, отточенные.

– Я много слышал о казахском поэте Шакариме. Узнал о нем впервые из твоей статьи в «Литературной газете». Блестящая статья, – он остановился, слегка приобнял меня. – Ради защиты чести предков, чести Отчизны иди в бой! Ничего не бойся. Смерть не страшна, Роллан. Страшна трусость. Страшно бесчестие. Пиши правду! Только правду. Больше ничего... – помолчал задумчиво. – Иду к Алимю Пшемаховичу Кешокову. Другу. Давно не виделись. Поговорить надо... Сау бол. Будь здоров, Роллан...

В то время поэт Шакарим Кудайбердиев все еще не был реабилитирован. Шестьдесят лет его имя оставалось под запретом. Было запрещено не только говорить или писать, но и думать о нем.

Больше я Кайсына-ага не видел.

Земной путь поэта заканчивается. Но начинается другой путь. Путь Духа поэта.

Кайсын Кулиев был щедр, он дарил людям радость. Его Чегем был планетой жизнелюбия и верности. Власть метафор Кайсына-ага пленяла, и он, не скупясь, отдавал свой гений великой тюркской поэзии.

Поэзия Кайсына Кулиева, как животворный поток горного родника, заставляет нас думать о смысле жизни, о силе Слова.

И эта мудрая и искренняя поэзия живет в моем сердце.

Один из величайших поэтов и мудрецов Востока Джалаладдин Руми сказал перед своей кончиной: «После моей смерти не ищите меня в земле. Ищите меня в своих сердцах».

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ